

Дина Рубина

Альт перелетный

«ЭКСМО»

Рубина Д. И.

Альт перелетный / Д. И. Рубина — «Эксмо»,

ISBN 978-5-425-02108-3

Довольно часто я размышляю о возникновении феномена мифа в сознании, в чувствовании человечества. Знаменитые сюжеты, исторические личности, произведения искусства, города могут взнестись до сакральных высот мифа или остаться в ряду накопленных человечеством земных сокровищ. Вот Лондон – огромный, имперской славы город. Париж – чарующий, волшебный сон! Нью-Йорк – гудящий Вавилон, законодатель мод... Иерусалим – миф. Миф сокровенный.

ISBN 978-5-425-02108-3

© Рубина Д. И.
© Эксмо

Дина Рубина

Альт перелетный

Сестре Вере

Однажды мы разбогатели по-настоящему...

Когда я говорю – по-настоящему, тоже надо учитывать – что имеется в виду.

С деньгами у меня отношения изумленно-романтические. Любой их приток я ощущаю океанским приливом. Их неожиданное возникновение для меня – всегда незаслуженное чудо, даже если это небольшой гонорар за большую, сколоченную месяцами изнурительного труда книгу.

Как-то, начитавшись Фрейда с Юнгом, одинаково мне чуждых, я пыталась откопать в своей биографии истоки столь инфантильного моего отношения к столь серьезному предмету. Ибо отток денег из моих карманов происходит с неумолимой скоростью океанского же отлива. Боюсь, к щедрости это не имеет никакого отношения. Скорее, это идиотизм. Ну и, конечно, элементарное неумение считать.

Короче, порывшись в детских воспоминаниях, я откопала ежегодные поездки нашего семейства к Иссык-Кулю, озеру в горах Тянь-Шаня, – ныне для меня почти мифическому, – когда, шествуя на пляж с большим художническим зонтом на плече (папин зонт для этюдов, под которым прошло все мое детство! – эта деталь еще раскроется в моих рассказах), я каждое утро находила в шелковом белом песке, среди плоских, давно погасших окурков и грифелечков древесного угля, бурые медяки – алтыны, пятаки, копеечки...

О, жар песка, каленый обжиг пяток, проникающий до желудка!

Глазастый следопыт, я каждый день обязана была подтверждать репутацию счастливчика, баловня фортуны, пусть приятельски-мелочной, но все же фортуны. В дальнейшем, в жизни, когда надо было утомительно подтверждать репутацию баловня фортуны, перед моими глазами возникала та ежеутренняя дорога на пляж, особая прозрачность воздуха, четкие горы со снежными пиками вдаль и напряжение зоркости в попытке взглядом выудить из песка ребристый ободок меди...

Но однажды мы таки разбогатели по-настоящему.

Это произошло вдруг, мгновенно и, если можно так выразиться, неосязаемо. Так вот вы открываете дверь своей московской кухни и оказываетесь на набережной Сены. Безболезненное – в смысле потрясения – перемещение в статусе.

Началось все с утреннего звонка нашего приятеля, искусствоведа, с его предложения показать картины Бориса очередному заезжему ловцу дешевой поживы. В те годы, на изломе советской эпохи, многие владельцы западных галерей составили себе состояние на перепродаже картин русских художников...

– Ну, что? – спросила я, когда муж положил трубку.

– Пустое, – сказал он. – Собирают нескольких художников, снимают картины на видео в бывшей церкви на Ордынке, будут возить по западным галереям... Искать сейчас машину... платить кучу денег за очередную синюю птицу...

Но все-таки повез.

Оказалось – действительно пустое... Ну, сняли, ну, взяли «портфолио»... Живем дальше.

Однако месяца через три наш приятель позвонил опять и, как бы между прочим, среди трепы:

– А помнишь ту церковку на Ордынке? Так вот, заметили нескольких художников, сейчас ездим, отбираем работы. Как у тебя завтра утром – ничего, если мы заскочим?

– Заскакивайте, – сказал Борис.

Утром приехали – наш приятель, еще один деятель, вообще-то театральный, но в последнее время нырнувший в бизнес и неожиданно поплывший в нем сильным, уверенным брассом. С ними известный график-оформитель Жора Немкис, вечно снулый, с низким давлением.

Все они уселись на диван, Борис стал выносить одну за другой картины из мастерской и выставлять вдоль стеночки, а я ушла на кухню – жарить гренки. В те скудные времена это было экономно и выгодно, главное – иметь в доме четыре яйца и буханку хлеба. Дарю рецепт: взбить яйца до консистенции пуха, пропитать ломоть хлеба, посолить и жарить на сковороде до румянца.

Словом, я со всей силы взбивала на кухне яйца, когда же минут через тридцать явилась звать гостей к столу, первым делом увидела лицо своего мужа. Он смотрел на меня с вымученной улыбкой небожителя Эль Греко.

– Они купили все картины... – сказал он, глядя на меня поверх сидящих гостей.

На диване лежал открытый кейс, весь заполненный аккуратными толстенькими пачками денег. Одни пачки лежали вдоль, другие поперек... Такой симпатичный, хотя и несколько однообразный пазл... Никогда в жизни я не видела столько денег сразу.

Белый шелковый песок заструился перед моим – как пишут в подобных случаях – мысленным взором. Там и сям среди сплюснутых окурков в нем темнели кружочки бурых медяков.

Я перевела взгляд в окно. Интересно, подумала я, это всегда происходит так буднично? А где же счастье? Где бурное ликование? Где мое детское торжество баловня фортуны?

Освобожденно вздохнув, словно с облегчением избавившись от груза, гости двинулись на кухню.

Сели, выпили, накаливая на вилки пушистые гренки. Маловато оказалось яиц. Ничего! – помнится, мелькнуло тогда в моей инфантильной голове вечного подростка. Теперь мы купим до хрена этих чертовых яиц!

Жора Немкис – у него всегда из-за низкого давления был оглушенный вид – учил Бориса жизни:

– Стари-и-к, – говорил он, медленно, как во сне, прожевывая кусок, сладостно закрывая глаза, – купите машину, дачу... станете людьми... Появятся человеческие интересы... Вот я... Каждый вечер – на каток... надеваю коньки... ступаю на лед и еду, еду... Ветер в ушах, музыка из динамика... давление поднимается, я скольжу, старик, как птица... Это – плюс...

Мы сидели долго, тем более что на радостях я достала золотой запас – две банки шпрот из писательского пайка, которые берегла на Новый год. Но теперь, когда мы стали так богаты, гори они огнем – жалкие шпроты из жалкого писательского пайка!

Поздно вечером гости уходили.

– Стари-ик, – засыпая, томно привалившись к грязным обоям в нашем коридоре, тянул Жора Немкис, – станешь человеком... Прибарахлишься... Костюма нет – это минус. Такая жена – это плюс...

* * *

Когда появились деньги, воздух вокруг нас сразу уплотнился. Возникли даже какие-то завихрения, небольшие тайфуны, повышения и понижения температуры.

Заволновались близкие. Всем им хотелось сохранить наши деньги получше, ненадежнее. Приехала родственница из города Винницы с дипломатической миссией. В процессе

беседы выяснилось, что надо помочь выехать в Израиль семье Бориного брата. Потом он, конечно, отдаст. Когда *там* встанет на ноги. Затем выяснилось, что надо помочь выехать моей сестре, которая, конечно, все вернет, даже смешно сомневаться.

Да и сами мы помаленьку отщипывали от кучи денег то тот, то этот кусок. Словом, куча эта тихо осыпалась. Весело струился золотой (это только образ!) песочек.

В один из дней позвонила моя сестра и сказала:

– Ты вообще-то думаешь – во что деньги вложить?

Нет, я не думала. Я просто люблю наличие денег в карманах. Люблю это веселое ощущение присутствия толики денег. Зачем же портить восхитительное, продленное во времени осознание своего *владения деньгами* и во что-то там вколачивать их, тем самым лишая себя удовольствия их *тратить*, то есть осуществлять неотъемлемое право владения.

– Вы просто придурки! – сказала моя энергичная сестра. – Допустить, чтобы эта прорва денег исчезла, улетучилась из-за вашего идиотизма и халатности?! Ты должна немедленно купить музыкальный инструмент!

– Зачем?! – спросила я.

– Чтобы продать его!.. Потом, конечно, когда попадешь в нормальную страну. Так делают все умные люди! – напирала она, ощущая мое молчаливое сопротивление.

– Интересно, кто этим будет заниматься?

– Я! – отрезала она.

И моя сестра Вера занялась покупкой музыкального инструмента. Что было вполне логично даже и с профессиональной точки зрения: ведь моя сестра скрипачка.

Кроме того, она вообще творчески одаренный человек – в детстве, на берегу Иссык-Куля, всех поражал ее необыкновенный дар возводить у кромки волны песчаные замки сложнейшей архитектуры. Эта пятилетняя кроха своими пальчиками терпеливо струила мокрым песком башню за башней, колонну за колонной, возводила настоящие укрепления, выкапывала рвы – часами трудилась под солнцем; а когда набежавшая волна вдруг подмывала какую-то башню, девочка, как ни в чем не бывало, бросалась возводить новую. Купол самой высокой башни она – последний виртуозный штрих! – венчала бутылочным стеклышком. Каждый прохожий купальщик изумлялся этому чуду детского терпения и долго любовался им, восхищенно цокая над белой панамкой моей сестры...

Недели через две она объявила, что «нашла в Питере замечательный инструмент»:

– Альт. Ручная работа. Ему цены нет!

Цена, впрочем, была. И довольно внушительная. В то время на эти деньги вполне можно было небольшому скромному семейству год протянуть, не задумываясь о тяготах жизни. Я вяло поинтересовалась: почему в Питере? На что сестра довольно вразумительно ответила, что именно в этом городе поголовно порядочных людей она знакома с отличным и весьма благородным малопьющим мастером, который реставрирует, продает и покупает музыкальные инструменты. Он уже отложил для нас уникальный альт. Надо немедленно переправлять деньги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.